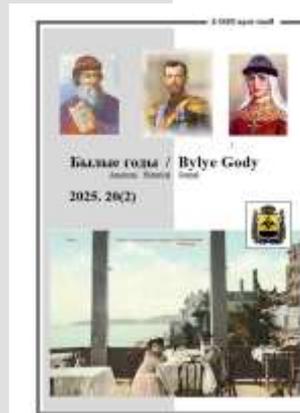

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 632-640
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.632

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, *}, Chynara K. Botoeva ^b, Nikita S. Grudinin ^c, Denis A. Shiriyov ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b State Governance Academy under President of the Kyrgyz Republic named after Zhusup Abdrakhmanov, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

^d Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The community among the Perm peoples in the 18th-19th centuries was a historical and social organism in which social relations were regulated, to a large extent, by the norms of customary law. It not only preserved and passed on customary legal norms from generation to generation, but also served as a guarantor of their implementation, generating the emergence of new patterns of behavior created in everyday practice, enshrined in customary legal norms, and also contributed to their implementation. It influenced the formation of the legal culture and legal consciousness of its members.

The study devoted to the community as a subject of customary law among the Perm peoples in the 18th-19th centuries, possessing legal personality, seems to be a relevant phenomenon today.

In the chronological period under consideration, the community among the Perm peoples, as a traditional institution and subject of customary law, possessed legal personality, including legal capacity, legal capacity, and tort capacity. Being a single ethno-socio-cultural organism, within which all elements are interconnected and based on ritual-cult, customary-legal, ideological-mythological systems, the community retained local administrative functions throughout the period under study. However, in addition to territorially limited local administrative powers, the community after the reforms of the 60s of the XIX century gradually began to transform from a collective in which elements of democracy were applied, into the lowest level of the state apparatus, acquiring the features of a nominal subject of public relations.

Keywords: community, subject of law, Zyryans, Votyaks, customary law, legal personality, legal capacity, legal capacity, tort capacity.

1. Введение

Община у пермских народов в XVIII-XIX вв. представляла собой историко-социальный организм, в котором общественные отношения регулировались, в большей мере, нормами обычного права. Она не только сохраняла и передавала из поколения в поколение обычно-правовые нормы, но и являлась гарантом их реализации, генерируя появление новых «эталонов, образцов» поведения, создаваемых в повседневной практике, закрепленных в обычно-правовых нормах, а также способствуя их исполнению. Она влияла на формирование правовой культуры и правового сознания своих членов. Обычное право представляло собой систему общепризнанных правовых ценностей, идеалов, воззрений народа, которая регулировала и жизнедеятельность общины,

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), cbotoeva@mail.ru (C.K. Botoeva), nekit-07@mail.ru (N.S. Grudinin), shirev-da@pfur.ru (D.A. Shiriyov)

т. е. самоуправляемого крестьянского мира, сохранявшего определенную степень юридической автономии от государства.

Вопрос о понимании и значении субъекта в обычном праве сложен для изучения и в науке не имеет единого подхода. Так, сторонники исторической школы в качестве основания наличия субъективных прав называли – свободу. Г.Ф. Пухта отмечал, что субъектом права человек является «в силу свободы» (Пухта, 1872: 8). При этом свобода человека, по мнению Г.Ф. Пухты, представляет собой фундамент права, а человеку принадлежит возможность на самоопределение (Пухта, 1872: 8-9).

Противоположной позиции придерживаются представители марксистской школы, по мнению которых «буржуазные свободы» представляют собой, так называемый, отмирающий элемент (Маркс, Энгельс, 1955: 439). Такая позиция отрицает идею наличия у субъекта как прав, так и свобод.

В настоящем исследовании необходимо использовать общераспространённое понятие «субъект права», обозначающее адресатов права, которые обладают правосубъектностью.

Исследование, посвященное общине, ее организации, структуре, функциям у восточных финно-угорских народов в XVIII–XIX вв., сегодня представляется актуальным явлением.

2. Материалы и методы

Изучение статуса общины как субъекта обычного права у представителей финно-угорских народов (коми (зыряне, пермяки), удмурты (вотяки)) в рассматриваемый период базируется на анализе архивных историко-правовых документов и источников, имеющих постоянное место хранения в двух российских архивах – Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация) (далее по тексту – РГАДА) и Национальном архиве Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация) (далее по тексту – НА РК).

Значимыми историческими источниками для данного исследования являются царские грамоты, мирские приговоры, решения мирских советов, рапорты, челобитные, записи об отдаче природных объектов в оброчное владение и др., относящиеся не только к XVIII–XIX вв., но и к более ранним периодам, позволяющие проследить генезис и особенности изменения статуса общины. Эти исторические документы систематизированы в хрестоматийных изданиях и сборниках (Документы..., 1958; Коми край..., 2012; Хрестоматия..., 1973; Материалы по истории...; История Коми края..., 1991).

Исследуя материалы, привлеченные к научным разработкам, осуществляемым в экономико-хозяйственной, этнографо-исторической сферах дореволюционными исследователями-путешественниками, естествоиспытателями, а также учеными Г.Е. Верещагиным, Н. Добротворским, И.М. Катаевым, И.И. Лепехиным, П. Палласом и др. авторы постарались проследить особенности в функционировании общины у пермских народов как самоуправляющейся структуры и тенденции, способствующие изменению ее статуса. Существенную помощь в раскрытии места и роли общины как коллективного субъекта обычного права, наделенного значительными полномочиями, оказали публикации, размещенные в дореволюционной периодической печати.

Используемая методологическая основа в настоящей работе включает в себя комплекс взаимосвязанных и систематизированных фундаментальных принципов, а также научно обоснованных подходов и методов. Доминирующие позиции в исследовании предоставлены системному и междисциплинарному подходам, которые позволяют общину и ее правовой статус рассматривать как сложнейший механизм, самоуправляемый организм, состоящий из множества структурных элементов, для раскрытия сущности которых необходимо использовать такие методы, как историко-правовой, системно-структурный и метод анализа.

В настоящем исследовании применены общепризнанные принципы историзма и объективности для проводимого изыскания, содействующие раскрытию роли общины в процессе жизнеобеспечения пермских народов.

С целью полномасштабного воссоздания исторической объективности и реальности, отдельное внимание уделено использованию в данном исследовании историко-генетического метода, обеспечивающего возможность выявления в исторической последовательности изменений, происходивших с зырянской и вотской общиной в XVIII–XIX вв. Применение историко-правового метода позволило учитывать происходившие в Российском государстве исторические события в данный период, а также рассматривать общину в контексте возникавших исторических реалий и фактов.

3. Обсуждение

К вопросу о роли крестьянской общины в жизнеобеспечении у коми и удмуртов в XVIII–XIX вв. периодически обращались дореволюционные исследователи, которые посещали территории, населенные этими народами. Среди них выделим изыскания Г.Е. Верещагина, Н. Добротворского, И.М. Катаева, П.С. Палласа и др. (Верещагин, 1889; Добротворский, 1883; Катаев, 1901; Паллас, 1788).

Ученые в советский и современный период большое значение уделяли и продолжают уделять изучению вопросов аграрной истории у рассматриваемых народов. Среди них отметим имена Ю.В. Александрова, В.Л. Бушуевой, А.К. Гагиевой, М.В. Гришкиной, А.Е. Коньшина, Г.А. Никитиной, А. С. Савельева, А. В. Черных и др. (Александров, 2014; Гагиева, 2014; Никитина, 1993; Никитина,

2011; Черных, 2007). Перечисленные исследователи внесли значительный вклад в изучение функций, органов, входящих в структуру общины, особенностей налаживания хозяйственно-экономических отношений в ней в определенный хронологический период. Однако значительное число уже изданных этнографических, историко-социологических исследований, основанных на анализе различных исторических источников и материалов, не дают полного представления об общине, как о субъекте права. В их трудах община не рассматривалась на протяжении XVIII-XIX вв. как коллективный субъект обычного права, широко распространенного у пермских народов. Авторы также не раскрывали правовой статус общины через призму ее детализации правосубъектности, включавшей такие элементы, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

Вопросам развития и функционирования общины и широко распространённого в ней обычного права у российских народов, населявших различные губернии в дореволюционной России, сегодня занимаются специалисты различных научных сфер. Среди ученых, проявляющих интерес к этой теме, обозначим следующих: Н. А. Жирова (Zhirov, 2024), В.В. Наумкину, С.А. Попова, М.А. Соснину (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b; Sosnina et al., 2024c) и др.

Однако комплексного исследования данной проблемы не составляло специализированного отдельного предмета самостоятельного научного исследования.

Поэтому целью настоящей работы является рассмотрение общины как субъекта обычного права у пермских народов в XVIII-XIX вв., обладающего особой правосубъектностью, включающей правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность.

Настоящий труд представляет собой продолжение уже ряда опубликованных научных исследований, касающихся регулятивной роли обычного права у пермских народов (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023; Plotskaya et al., 2024).

4. Результаты

В общине у пермских народов в XVIII-XIX вв. широкое распространение получило обычное право, с помощью которого не только регулировали возникавшие социальные отношения, разрешали общественные конфликтные ситуации, как правило, медиационным путем, но и создавали идейно-моральное единство этнически локального общества, направленное на выживание в суровых природно-климатических условиях и, соответственно, дальнейшее функционирование и развитие этого этно-локального общества. Обычное право, применявшееся в общине у коми и удмуртов, обладало также и воспитательной функцией, позволявшей создавать общественное единство, общее мировоззрение ее членов. Поэтому, рассматривая общину как субъект обычного права у пермских народов в дореволюционный период, нельзя забывать о том «отпечатке», который накладывало обычное право.

Обычно-правовой статус определённого лица выражает его полномочия и функции, которые способствуют реализации задач, стоящих перед ним, как субъектом права в сфере общественных обычно-правовых отношений. Кроме этого, обычно-правовой статус характеризует роль и место данного субъекта права и его взаимодействие с другими субъектами права. Правовой статус общины, как специфической формы реализации местного самоуправления, где широкое распространение получили нормы обычного права и принципы традиционного поведения ее членов, в рассматриваемый период часто определяют как совокупность ее прав, полномочий, обязанностей. Однако в целях детализированного и полного исследования обозначенной научной проблемы, необходимо рассматривать общину в качестве субъекта обычного права с позиции ее правосубъектности, как закреплённой в праве способности выступать самостоятельным субъектом права, имеющим перечень государственно санкционированных прав (обязанностей) для осуществления местного управления в рамках наделённых компетенций. Правосубъектность общины у пермских народов включала три составляющих ее элемента: 1) правоспособность, отражающая правовой статус общины с позиции наличия у нее прав и обязанностей, возможность осуществлять действия, направленные на организацию местного управления, создание и функционирование мирских коллегиальных органов управления, осуществление этно-правосудия и др.; 2) дееспособность, раскрывающая возможность субъекта права своими действиями, основанными прежде всего на применении локальных правовых обычаев, получать, а также исполнять не только права, но и обязанности; 3) деликтоспособность, позволяющая субъекту права нести ответственность за собственные решения, действия (бездействие).

Рассмотрим правоспособность, т.е. способность иметь определенные права и нести соответствующие ее статусу обязанности.

Права у субъекта появляются тогда, когда он участвует в практике социальной жизни, «когда он плотно встраивается в общественный порядок особого типа и активно жизнедействует в нем» (Колотова, 2006: 109). Община у пермских народов представляла целостный организм, встроенный в общественный мир зырян и вотяков. Она являлась коллективным и в тоже время неперсонифицированным субъектом права, как и семья, промысловая артель, общинный (мирской) сход и т. д.

Кроме коллективных субъектов обычного права у пермских народов можно выделить и индивидуальных, то есть персонифицированных субъектов обычного права, к которым относились различные общинные должностные лица. Среди них можно назвать сельских старост, пожарных старост, жрецов (в разных источниках их называли по-разному - «туно» (Катаев, 1901: 35), «Тон» (Паллас, 1788: 51), смотрителей, сотских, десятских, сборщиков податей, отдельного индивида и др. У всех коллективных и индивидуальных субъектов обычного права существовала своя правоспособность, т. е. определенный набор прав, отличающий их друг от друга и соответствующий перечень обязанностей, которые они выполняли.

Любой коллективный субъект обычного права имел огромное значение, так как представлял собой носителя прав и обязанностей. Особенно значимая роль в организации жизнедеятельности пермских народов была у общины. Общинная организация общественных отношений позволяла выживать в суровых северных климатических условиях, которые были актуальны особенно для коми-зырян (в частности, для коми-ижемцев, занимавшихся традиционным оленеводческим промыслом в районах Крайнего арктического Севера и приарктических местностях). Бытовавшие и применявшиеся в мирской организации зырянской общины или вотской «общине – бускель» (Александров, 1998: 14) обычно-правовые принципы жизнедеятельности общества, такие как взаимопомощь, взаимовыручка, справедливость, сплачивали общинников и способствовали выживанию. Община обязана была следить за реализацией этих принципов на практике, а также за соблюдением прав каждого ее члена.

Определенная специфика ведения общинной хозяйственной деятельности, в том числе у коми-ижемцев, а также факт наличия значительного количества крестьян, относившихся к категории государственных, а не крепостных, способствовала выделению общины в качестве самостоятельного коллективного обычно-правового субъекта, обладавшего широким перечнем прав.

Значимый состав управленческих полномочий община у пермских народов приобрела также благодаря тому, что крепостное право не было распространено на большей части территории расселения пермских народов (исключением являлись «южные коми-пермяки» (Климов, Чагин, 2005: 69), а также приписные к уральским заводам вотские и коми-пермяцкие крестьяне (Коньшин, Савельев, 2005: 7).

Община представляла собой коллективный и сложный по структуре субъект. Она являлась нераздельным и целостным организмом, в котором присутствовали не только кровно-семейные, но и родовые связи, закреплявшиеся нормами обычного права. Коллективным субъектом являлась не только община, но и род, семья, которые также способствовали формированию и созданию социальных традиционных регуляторов. Члены общины исполняли требования этих регуляторов. В исследуемый период в ней сохранялись элементы «объединения родственников в форме патронимии, ... родственные семьи... селились вплотную друг к другу...» (Александров, 1998: 54). Важнейшая цель, стоявшая у общины, также как и у рода - сохранение своего единства и целостности (Наумкина, 2010: 112).

Община регламентировала различные сферы жизнедеятельности своих членов, включая: пользование общинными землями, их перераспределение; расклад государственных податей; охрана общественного порядка; осуществление этно-правосудия и т. д. Кроме этого, она обязана контролировать реализацию и правильное применение обычно-правовых норм на общинном уровне. Если обратиться к историческим источникам более раннего периода, к примеру, документам, датированным концом XVII в., то в них четко прослеживается обязанность общины, как коллегиального органа, судить и даже наказывать общинников: «А с вотяками... что они выбирали в толмачи татар без мирского их ведома и совету самовольством... дать суд...» (Документы, 1958: 119). Община избирала своих членов в качестве представителей в государственные органы: «... посылщиком... ехать с Вятки к Москве для наших мирских дел... подавать челобитные...» (Документы, 1958: 398). Такая компетентностная нагрузка сохранялась у общины и в XVIII-XIX вв. Общинные решения подлежали коллегиальному обсуждению и выносились на сходе (мирском совете) (Коми край..., 2012: 61), членами которого были домохозяева, обладавшие полным наделом «земли на свои души» (Майер, 1981: 43). В этом частично реализовывался еще один элемент правосубъектности общины – дееспособность, раскрывающая возможность субъекта права своими действиями получать, а также исполнять не только права, но и обязанности. На сельских сходах, с соблюдением норм обычного права и традиций, сочетавшихся с элементами демократии, избирали из местных общинников даже судей.

В исторической доктрине общепринято мнение о том, что община у пермских народов являлась соседской, т. е. территориальной. Общинный сход наделен был также распорядительно-судебной властью. В его состав входили домохозяева (Верещагин, 1998: 76), знавшие русский язык и «счетоводство, чтобы при продаже хлеба и других сельских продуктов он не мог ошибиться» (Верещагин, 1998: 76), и имевшие «надел земли на свои души...» (Верещагин, 1895: 95). Такие домохозяева должны были принимать участие в деятельности схода, имели право голосовать и подписывать «...приговоры...» (Верещагин, 1998: 76). На сходе могли избирать общинников, которых наделали также и общественными функциями. Так, к примеру, в 1772 г. на сходе избрали представителя в «депутаты в Яренскую воеводскую канцелярию» (Коми край..., 2012: 62).

Даже в немногочисленных источниках второй половины XVII в. встречается информация о сходах, на которых общинниками принимались достаточно серьезные решения коллегиально: «... написали мы меж собою... со всего мирского большего совету...» (Документы, 1958: 96).

Обычно-правовые нормы широко были распространены в общинных советах. На них опирались, вынося решения для разрешения хозяйственно-экономических (Хрестоматия..., 1973: 63), бытовых вопросов обычной жизни крестьян, а также брачно-семейных споров, «раздоры между членами семьи, ... разводит мужа с женою, если они живут не ладно...» (Добротворский, 1883: 259-360). Последнее слово при вынесении решения на сходе оставалось за стариками (Добротворский, 1883: 260).

На обычно-правовые нормы ссылались при осуществлении этно-правосудия в отношении совершенных на территории общины, либо членами общины, мелких краж, ссор, драк, супружеской измены, оскорбления, брани, клеветы, осквернения и поругания тотемных животных, растений, духов и т. д. При рассмотрении наиболее тяжких дел, общинный сход мог даже назначить наказание, «вплоть до высылки членов общины в Сибирь» (Александров, 1998: 16), а также в редких случаях мог вынести и «смертный приговор» (Александров, 1998: 16). По мнению А. И. Михайлова, общинный сход «решал все дела и судил различные поступки» (Михайлов, 1927: 13).

Решения общинного схода были обязательны к исполнению для всех членов общины, а «... нарушитель... становится предметом общего презрения и получает прозвище...» (Бехтерев, 1880: 144).

Нередко споры завершались примирением сторон, учитывая интересы всех участников спора. Причем архивные документы, свидетельствующие о рассмотрении спорных ситуаций содержат следующие фразы: «...согласия полюбовно разложили...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 5); «...сыскав в сердце правду, не ходя в суд, помирились...» (Коми край..., 2012: 54); «... поделились между собой полюбовно...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 110б.). В делах, по спорным вопросам между родителями и детьми, сход часто выносил решения в «пользу родителей» (Никитина, 2011: 9).

Общинный сход, руководствуясь принципом круговой поруки, контролировал недобросовестных хозяев, чьи действия могли в дальнейшем привести к банкротству возглавляемое им хозяйство, т. е. «... решением схода он мог быть заменен другим» (Никитина, 2011: 9).

Уже в пореформенный период XIX в. сход приобретает роль низшего «звена местного самоуправления» (Александров, 1998: 16), являясь посредником между общиной и государством в лице его органов.

Общинный сход являлся не только структурой местного самоуправления, но и органом общинной демократии, где сохранялся и функционировал принцип общего согласия, а решения принимались «...миром...» (Верещагин, 1895: 127).

Однако отметим образовавшиеся тенденции в течение XIX в., которые, по мнению Н. П. Павлова, ограничивали права сходов, так как «порядок их проведения подвергался бюрократической регламентации» (Павлов, 1985: 70). В таком положении подвергалась изменениям общинная демократия. К концу XIX в. даже не все главы хозяйств на Вятке приглашались к рассмотрению сельских общественных дел (Павлов, 1985: 70) на сходе, а полномочия старосты общины постепенно возрастали (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 35. Л. 1; НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 60. Л. 30б.), так как они представляли собой «должностных лиц местного общинного уровня» и избирались вместе с «верхушкой схода» членами общины во время заседания сходов (НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 4). Такое решение схода оформлялось приговором, где четко прописывались конкретные лица, назначаемые на различные должности: «... о выборах на 1893 г. полицейских сотских, десятских, пожарных старост... единогласно Постановили: на должность... назначить...» (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132).

Женщины, подростки, совершеннолетние члены общины, но не домохозяева, по-прежнему, не обладали правом участия в заседании схода, где рассматривались вопросы управления общиной. Кроме того, общинный сход являлся законным, если в нем принимал участие староста (Павлов, 1985: 71). В конце XIX в. на общинный сход оказывали давление зажиточные представители общины. Манипулируя общинным сходом, они добивались принятия выгодных им решений.

Часто спорные судебные дела рассматривались просто формально. Это касалось такой категории дел, в которых не затрагивались права и интересы большинства крестьян. Среди таких дел можно назвать дела об опеке и попечительстве, о «призрении неимущих и т.п.» (Павлов, 1985: 72). При их рассмотрении крестьяне могли и не посещать заседание схода.

Таким образом, к концу XIX в., присущие ранее общине и общинному сходу, элементы демократизма стали постепенно вытесняться из системы общинного самоуправления.

Касааясь последнего элемента правосубъектности общины, - деликтоспособности, позволяющей субъекту права нести ответственность за собственные решения, действия (бездействие), важно отметить, что она в ограниченном виде присутствовала у общины пермских народов. И хотя в рассматриваемый период у коми и удмуртов нельзя четко выделить наличие коллективной ответственности рода, однако община обеспечивала защиту прав и интересов своих членов, предоставляя им субъективные права. Именно община создавала возможность для развития

персонифицированной ответственности индивида, так как виновное лицо чаще всего и несло индивидуальную ответственность.

Кроме того, интересы члена общины, как индивида, подчинялись общественным, общинным интересам. Даже в бытовых, семейных, традиционных отношениях «родовое начало... крепко держится... почему вотския семьи обыкновенно очень многочисленны...» (Островский, 1873: 26).

Община несла ответственность за принимаемые решения в сфере гражданско-правовых отношений, о чем свидетельствуют исторические источники XVIII–XIX вв. Так, в гражданском обороте бытовали сделки, заключающиеся в общинных интересах, в интересах отдельных семей и даже индивидов (История Коми края, 1991: 67, 89–90), являвшихся ее членами.

Община как субъект права обладала общинными землями, несла ответственность за распределение земель, за управление общинным имуществом, являлась отдельным и самостоятельным субъектом, от имени которого крестьяне-общинники подавали в органы государственной власти прошения в письменной форме. Община как коллективный субъект обеспечивала реализацию естественных прав индивида как члена общины. Поэтому она являлась своеобразным традиционным гарантом реализации действовавших внутри общины норм обычного права.

Производящий тип хозяйства, которой существовал в рассматриваемый период у коми и удмуртов, способствовал обособлению общины в качестве отдельной единицы.

5. Заключение

Таким образом, в XVIII–XIX вв. община у пермских народов как традиционный институт и субъект обычного права обладала правосубъектностью, включающей правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность. Являясь единым этно-социокультурным организмом, внутри которого все элементы взаимосвязаны и основаны на обрядово-культурной, обычно-правовой, идеолого-мифологической системах, община на протяжении исследуемого периода сохраняла локально-административные функции. Однако, кроме территориально ограниченных управленческих полномочий местного уровня, община после реформ 60-х гг. XIX в. постепенно начала превращаться из коллектива, в котором применялись черты демократии, в низшую ступень государственного аппарата, приобретая черты номинального субъекта общественных отношений.

Литература

- Александров, 1998 – Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998. 26 с.
- Бехтерев, 1880 – Бехтерев В.М. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. СПб., 1880. Т. 5. Кн. 9. Сентябрь. С. 141–172.
- Верещагин, 1895 – Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. Вятка, 1895. 208 с.
- Верещагин, 1998 – Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. Кн. I. 311 с.
- Добротворский, 1883 – Добротворский Н. Пермьяки. Бытовой этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. Т. 2. Кн. 3.
- Документы..., 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Лупшов. Ижевск, 1958. 422 с.
- История Коми края, 1991 – История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Ч. I: Дореволюционный период / под ред. О.Е. Бондаренко, В.И. Чупрова. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.
- Катаев, 1901 – Катаев И.М. Вотяки. М.: С. Курнин и К., 1901. 46 с.
- Климов, Чагин, 2005 – Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2005. 256 с.
- Колотова, 2006 – Колотова Н.В. Право и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2006. № 2. С. 105–120.
- Коми край..., 2012 – Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А.К. Гагиевой. Сыктывкар, 2012. 115 с.
- Коньшин, Савельев, 2005 – Коньшин А.Е., Савельев А.С. Пути и судьбы коми-пермяцкого народа / Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (30 июня – 1 июля 2005 г.). Кудымкар, 2005. Ч. II. 378 с.
- Майер, 1981 – Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 36–60.
- Маркс, Энгельс, 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / Сочинения. М., 1955. Т. 4.
- Материалы по истории... – Материалы по истории БАССР. Т. 3 / Уфаген: генеалогия и архивы. [Электронный ресурс]. URL: <http://ufagen.ru/node/30014> (дата обращения: 31.10.2024).

- Михайлов, 1927 – Михайлов А.И. Вотячка. М., 1927. 40 с.
 НА РК – Национальный архив Республики Коми.
 Наумкина, 2010 – Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 347 с.
 Никитина, 2011 – Никитина Г.А. Нормативные ценности удмуртского крестьянства в контексте мирской юрисдикции // *История государства и права*. 2011. № 8. С. 7-10.
 Островский, 1873 – Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии // *Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете*. 1873. Т. IV. № 1. С. 1-48.
 Павлов, 1985 – Павлов Н.П. Об исторической динамике общественного самоуправления на селе // *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: сб. статей* / отв. ред. В.Е. Майер. Устинов, 1985. С. 69-79.
 Паллас, 1788 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. 3. Половина 2. 481 с.
 Пухта, 1872 – Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль: тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
 Хрестоматия..., 1973 – Хрестоматия по истории Удмуртии / Под общ. ред. В.Е. Майера; сост. Г.К. Аникина и др. Ижевск, 1973. 269 с.
 Черных, 2007 – Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.
 Zhirov, 2024 – Zhirov N.A. Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1605-1614.
 Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
 Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
 Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.
 Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya O.A., Urankhaeva G.T., Grudin N.S., Zhirov R. M. Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1286-1293.
 Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1759-1765.
 Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.
 Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

References

- Aleksandrov, 1998 – Aleksandrov, Yu.V. (1998). Obychnoe pravo udmurtov (XIX – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Customary law of the Udmurts (XIX – early XX centuries): abstract of the dissertation. ... Candidate of Historical Sciences]. Izhevsk. [in Russian]
 Bekhterev, 1880 – Bekhterev, V.M. (1880). Votyaki, ikh istoriya i sovremennoe sostoyanie. Bytovye i etnograficheskie ocherki [Votyaki, their history and current state. Everyday and ethnographic essays]. *Vestnik Evropy*. SPb. T. 5. Kn. 9. Sentyabr'. Pp. 141-172. [in Russian]
 Chernykh, 2007 – Chernykh, A.V. (2007). Narody Permskogo kraja. Istoriya i etnografiya [The peoples of the Perm Region. History and ethnography]. Perm'. [in Russian]
 Dobrotvorskii, 1883 – Dobrotvorskii, N. (1883). Permyaki. Bytovoi etnograficheskii ocherk [Permyaki. A household ethnographic essay]. *Vestnik Evropy*. T. 2. Kn. 3. [in Russian]
 Dokumenty..., 1958 – Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov [Documents on the history of Udmurtia XV–XVII centuries]. Sost. P.N. Luppov. Izhevsk, 1958. [in Russian]
 Istoriya Komi kraja..., 1991 – Istoriya Komi kraja v dokumentakh i materialakh. Khrestomatiya. Ch. I: Dorevolyutsionnyi period [History of the Komi Region in documents and materials. Anthology. Part I: The Pre-revolutionary period]. Pod red. O.E. Bondarenko, V.I. Chuprova. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1991. [in Russian]
 Kataev, 1901 – Kataev, I.M. (1901). Votyaki [Votyaki]. M.: S. Kurnin i K. [in Russian]

- Khrestomatiya..., 1973** – Khrestomatiya po istorii Udmurtii [A textbook on the history of Udmurtia]. Pod obshch. red. V.E. Maiera; sost. G.K. Anikina i dr. Izhevsk, 1973. [in Russian]
- Klimov, Chagin, 2005** – Klimov, V.V., Chagin, G.N. (2005). Kruglyi god prazdnikov, obryadov i obychaev komi-permyakov [All year round holidays, rituals and customs of Komi-Permians]. Kudymkar: Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Kolotova, 2006** – Kolotova, N.V. (2006). Pravo i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii [Law and human rights in the context of globalization]. *Gosudarstvo i pravo*. 2: 105-120. [in Russian]
- Komi krai..., 2012** – Komi krai v XVIII veke: sb. dokumentov [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Pod obshch. red. A.K. Gagievoi. Syktyvkar, 2012. [in Russian]
- Kon'shin, Savel'ev, 2005** – Kon'shin, A.E., Savel'ev, A.S. (2005). Puti i sud'by komi-permyatskogo naroda [Ways and destinies of the Komi-Permyak people]. *Komi-permyaki i finno-ugorskii mir: materialy Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30 iyunya – 1 iyulya 2005 g.)*. Kudymkar. Ch. II. [in Russian]
- Maier, 1981** – Maier, V.E. (1981). Vazhnyi istochnik po istorii sosedskoi obshchiny Udmurtii [The important source on the history of the Udmurt neighborhood community]. *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Udmurtii v XVII – pervoi polovine XIX vv.* Izhevsk. Pp. 36-60. [in Russian]
- Marks, Engel's, 1955** – Marks, K., Engel's, F. (1955). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. Sochineniya. M. T. 4. [in Russian]
- Materialy po istorii...** – Materialy po istorii BASSR. T. 3. [Materials on the history of the BASSR. Vol. 3]. [Electronic resource]. URL: <http://ufagen.ru/node/30014> (date of access: 31.10.2024). [in Russian]
- Mikhailov, 1927** – Mikhailov, A.I. (1927). Votyachka [Votyachka]. M. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic].
- Naumkina, 2010** – Naumkina, V.V. (2010). Obychnoe pravo kochevykh narodov Vostochnoi Sibiri v pravovoi sisteme Rossiiskogo gosudarstva XIX – nachala XX vv. [Customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state of the 19th – early 20th centuries]: dis. ... d-ra yurid. nauk. M. [in Russian]
- Nikitina, 2011** – Nikitina, G.A. (2011). Normativnye tsennosti udmurtskogo krest'yanstva v kontekste mirskoi yurisdiktsii [Normative values of the Udmurt peasantry in the context of secular jurisdiction]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 8: 7-10. [in Russian]
- Ostrovskii, 1873** – Ostrovskii, D.N. (1873). Votyaki Kazanskoii gubernii [otyaki, Kazan province]. *Trudy obshchestva estestvoispytatelei pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. T. IV. № 1. Pp. 1-48. [in Russian]
- Pallas, 1788** – Pallas, P.S. (1788). Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva [A journey through different provinces of the Russian state]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk. Ch. 3. Polovina 2. [in Russian]
- Pavlov, 1985** – Pavlov, N.P. (1985). Ob istoricheskoi dinamike obshchestvennogo samoupravleniya na sele [On the historical dynamics of public self-government in rural areas]. *Semeinyi i obshchestvennyi byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. statei*. Otv. red. V.E. Maier. Ustinov. Pp. 69-79. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A. (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya, O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- Plotskaya et al., 2024** – Plotskaya, O.A., Urankhaeva, G.T., Grudinina, N.S., Zhirov, R. M. (2024). Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1286-1293.
- Pukhta, 1872** – Pukhta, G.F. (1872). Entsiklopediya prava [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl'. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(4): 1759-1765.
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.

Vereshchagin, 1895 – Vereshchagin, G.E. (1895). Obshchinnoe zemlevladienie u votyakov Sarapul'skogo uyezda [Communal land ownership among the Votyaks of Sarapul'sky uyezd]. Vyatka. [in Russian]

Vereshchagin, 1998 – Vereshchagin, G.E. (1998). Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Etnograficheskie ocherki [Collected works: in 6 volumes Vol. 3. Ethnographic essays]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN. Kn. I. [in Russian]

Zhirov, 2024 – Zhirov, N.A. (2024). Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements. *Bylye Gody*. 19(4): 1605-1614.

Община как субъект обычного права у пермских народов в XVIII–XIX вв.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Чынара Кычийевна Ботоева ^b, Никита Сергеевич Грудинин ^c, Денис Андреевич Ширёв ^d

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики имени Ж. Адрахманова, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Община у пермских народов в XVIII–XIX вв. представляла собой историко-социальный организм, в котором общественные отношения регулировались, в большей мере, нормами обычного права. Она не только сохраняла и передавала из поколения в поколение обычно-правовые нормы, но и являлась гарантом их реализации, генерируя появление новых образцов поведения, создаваемых в повседневной практике, закрепленных в обычно-правовых нормах, а также способствовала их исполнению. Она влияла на формирование правовой культуры и правового сознания своих членов.

Исследование, посвященное общине как субъекту обычного права у пермских народов в XVIII–XIX вв., обладающему правосубъектностью, сегодня представляется актуальным явлением.

В рассматриваемый хронологический период община у пермских народов как традиционный институт и субъект обычного права обладала правосубъектностью, включающей правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность. Являясь единым этно-социокультурным организмом, внутри которого все элементы взаимосвязаны и основаны на обрядово-культурной, обычно-правовой, идеолого-мифологической системах, община на протяжении исследуемого периода сохраняла локально-административные функции. Однако, кроме территориально ограниченных управленческих полномочий местного уровня, община после реформ 60-х гг. XIX в. постепенно начала превращаться из коллектива, в котором применялись элементы демократии, в низшую ступень государственного аппарата, приобретая черты номинального субъекта общественных отношений.

Ключевые слова: община, субъект права, зыряне, вотяки, обычное право, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), cbotoeva@mail.ru (Ч.К. Ботоева), nekit-07@mail.ru (Н.С. Грудинин), shirev-da@pfur.ru (Д.А. Ширёв)